

Робин Гуд

Автор:

Александр Дюма

Робин Гуд

Александр Дюма

Мир приключений и тайн

«...В последние годы жизни писатель создал ряд романов, героями которых стали полуполюгендарные герои Средневековья, в том числе и две книги о Робине Гуде. Одна из них – перед вами, но, как и творения других авторов, она не дает ответа на вопросы: кем на самом деле был прославленный предводитель лесного разбойничьего братства и как в действительности сложилась его судьба.

Робин Гуд и сегодня остается одной из самых загадочных фигур британского Средневековья. Это о нем историки до сих пор пишут: «Личность прототипа этих баллад и легенд не установлена». По одним источникам, некий благородный разбойник, обитавший в Шервудском лесу близ Ноттингема, жил во второй половине XII века, по другим – в начале XIV и даже в XV столетии. Одни исследователи называют его йоменом, то есть вольным землепашцем, другие – знатным дворянином, лишенным титула и владений в результате происков врагов. Родиной Робина Гуда считается селение Локсли, а его лесное воинство, насчитывавшее несколько десятков вольных стрелков, состояло из поразительно сплоченных, отважных, изобретательных и по-своему благородных людей. Чаще всего в балладах о Робине Гуде упоминаются его друзья и помощники: Маленький Джон, монах-бенедиктинец брат Тук, Уилл Скарлет и сын мельника Мач. Всего этих баллад известно более сорока, и они дошли до наших дней практически полностью...»

Александр Дюма

Робин Гуд

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Королевская версия

Александра Дюма (1802–1870) вряд ли нужно представлять читателю, даже самому юному. Блестящий французский романист и в наши дни остается одним из самых читаемых авторов в мире, а тиражи его книг по-прежнему исчисляются миллионами экземпляров.

Кто-то подсчитал, что из-под пера Дюма вышло в общей сложности около шестисот томов – невероятно много, не всякому под силу даже прочитать столько за целую жизнь. Драмы, комедии, серьезные исследования, исторические хроники, бесчисленные романы, путевые очерки, сборники рассказов и многое другое – все это многообразное и неравноценное наследие было создано человеком, который не получил систематического образования, зато обладал фантастическим литературным талантом, жизнелюбием, богатейшим воображением и способностью «оживлять» написанное на бумаге.

Критик-современник восклицал: «Дюма? Да ведь это так же легковесно, как завтрак вечно холостяка!» И тем не менее этот «завтрак» на протяжении уже более полутора столетий «питает» все новые поколения читателей. О чем бы ни писал великий француз – о трех мушкетерах, о Генрихе Наваррском, об эпохе Регентства, о Французской революции или о Средневековье – историческая достоверность в его романах не так уж важна. Главное здесь – энергичное и причудливо развивающееся действие, многочисленные персонажи – живые,

полные обаяния и не чуждые всяческих крайностей, романтические чувства и порывы к свободе, утверждение человеческого достоинства и тех ценностей, без которых мир в любую эпоху становится холодным и пустым.

Недрузи обвиняли Дюма в том, что он слишком забавен, плодовит и расточителен. Но он и не мог быть иным. Однажды писателя спросили, как он представляет себе жизнь, и Дюма ответил: «Победным шествием от юности к могиле». Что ж, его собственное «шествие» вполне удалось.

Его драмы покоряли зрителей на сценах лучших французских театров, историки высоко ценили историко-публицистический трактат Дюма «Галлия и Франция», а, когда роман «Три мушкетера» (1844) стал супербестселлером, в Париже ходила шутка: если и существует на каком-нибудь необитаемом острове Робинзон Крузо, то наверняка он сейчас читает «Трех мушкетеров».

В середине XIX века на читателей обрушилась настоящая литературная лавина: с 1845 по 1855 год Дюма публиковал по 7–8 томов в год, охватив в своих книгах почти всю историю Франции. За «Тремя мушкетерами» последовали «Двадцать лет спустя» (1845) и «Виконт де Бражелон» (1848–1850), «Королева Марго» (1845), «Графиня де Монсоро» (1846) и «Сорок пять» (1847–1848), серия книг, описывавших закат французской монархии. Приключенческий же роман из современной жизни – «Граф Монте-Кристо» (1845–1846) – принес Дюма неслыханную славу и богатство.

В последние годы жизни писатель создал ряд романов, героями которых стали полуполюгендарные герои Средневековья, в том числе и две книги о Робине Гуде. Одна из них – перед вами, но, как и творения других авторов, она не дает ответа на вопросы: кем на самом деле был прославленный предводитель лесного разбойничьего братства и как в действительности сложилась его судьба.

Робин Гуд и сегодня остается одной из самых загадочных фигур британского Средневековья. Это о нем историки до сих пор пишут: «Личность прототипа этих баллад и легенд не установлена». По одним источникам, некий благородный разбойник, обитавший в Шервудском лесу близ Ноттингема, жил во второй половине XII века, по другим – в начале XIV и даже в XV столетии. Одни исследователи называют его йоменом, то есть вольным землепашцем, другие – знатным дворянином, лишенным титула и владений в результате происков врагов. Родиной Робина Гуда считается селение Локсли, а его лесное воинство, насчитывавшее несколько десятков вольных стрелков, состояло из поразительно

сплоченных, отважных, изобретательных и по-своему благородных людей. Чаще всего в балладах о Робине Гуде упоминаются его друзья и помощники: Маленький Джон, монах-бенедиктинец брат Тук, Уилл Скарлет и сын мельника Мач. Всего этих баллад известно более сорока, и они дошли до наших дней практически полностью.

Подлинную историю Робина Гуда, скорее всего, восстановить уже не удастся, но его образ на протяжении последних двух столетий стал важным явлением европейской культуры. К нему обращались крупнейшие писатели и драматурги, создатели десятков кинофильмов и сериалов, анимационных лент и комиксов. Само имя Робин Гуд стало нарицательным по отношению к людям, восстающим против несправедливости и жестокого угнетения.

Каждый из тех, кто пытался проникнуть в тайну жизни и происхождения благородного храбреца из Шервудского леса, создавал «своего Робина Гуда», и порой они так же не похожи друг на друга, как персонаж романа Вальтера Скотта «Айвенго» и главный герой фильма Ридли Скотта, где знаменитого разбойника сыграл Рассел Кроу.

Однако легенда о Короле Лесов жива, многолика и по-прежнему полна романтического обаяния. И сейчас вы держите в руках одну из версий жизни Робина Гуда, вышедшую из-под стремительного и живого пера подлинного короля историко-приключенческого жанра – великого Александра Дюма.

Часть первая

Изгнанник

1

Эта история начинается во времена царствования Генриха II Плантагенета, короля Англии, носившего прозвище Короткий Плащ.

Стоял промозглый март 1162 года. Поздним вечером по путаным тропам Шервудского леса, что в графстве Ноттингем, ехали два вконец измотанных долгим путем всадника. По земле стлался густой туман, а ледяные порывы ветра, в которых еще чувствовалось дыхание зимы, заставляли путников плотнее кутаться в плащи. Один из них, с виду постарше и более уверенно державшийся в седле, то и дело поглядывал на затянутое мрачными тучами небо.

– Как думаешь, Ритсон, не застанет ли нас в дороге буря? – спросил он, оборачиваясь к спутнику. – Ветер не унимается... Мы на верном пути?

– Цель близка, господин. И часу не минет, как мы будем у дверей жилища лесника.

– Хотелось бы надеяться... А скажи-ка мне: этому человеку можно доверять?

– Гилберт Хэд – мужчина суровый, честный и прямодушный; моя сестра за ним как за каменной стеной. Он подойдет вам, сэр, во всех отношениях и вдобавок с почтением выслушает придуманную вашей милостью легенду – ложь и недоверие ему просто неведомы... Ну вот... я же говорил! Видите впереди отблеск огня на ветках? Мы совсем рядом...

– Взгляни, не проснулся ли мальчик?

– Что ему станется? – равнодушно буркнул Ритсон. – Спит себе, как медвежонок в берлоге... Нет, не могу я взять в толк, зачем вашей милости вся эта морока. Беречь жизнь сосунка, который прямая помеха вашим интересам! Скажу прямо: ежели вам заблагорассудится навсегда избавиться от этого щенка, дайте только знак. Мой клинок к вашим услугам... да не забудьте только в благодарность упомянуть меня в завещании...

– Молчать! – резкий окрик прозвучал, как удар хлыста. – Даже не думай об этом. И держи язык за зубами – умереть должна только тайна его рождения. Мне и в голову не приходило желать гибели невинного малыша. Предпочитаю жить со страхом, что когда-нибудь все откроется, но не со смертным грехом на совести... Воспитанный в крестьянской семье, мальчик и знать не будет ни о своем знатном имени, ни о состоянии, которые, сам не ведая того, сегодня утратит...

– Да свершится ваша воля, сэрыцарь! – холодно отозвался Ритсон. – Однако, по правде говоря, жизнь его не стоит и половины тягот этого пути...

Рыцарь молча отвернулся, и в скором времени всадники уже спешили перед небольшим домом, скрытым в гуще леса, словно беличье гнездо.

– Эй, Гилберт Хэд! – зычно прокричал Ритсон. – Отпирай, приятель! Пусти продрогших путников погреться у очага.

Послышалось глухое ворчание собак, из-за запертой двери мужской голос настороженно спросил:

– Кого Бог принес так поздно?

– Открывай! Это Роланд Ритсон, единокровный брат твоей Маргарет. Неужто нам тут так и стоять, как нищим, лесник? – закричал в нетерпении Ритсон.

Дверь наконец распахнулась и впустила поздних гостей.

Ритсон, откинув полу плаща, тут же украдкой положил большой сверток на скамью и шагнул навстречу леснику.

Гилберт Хэд, радушно поприветствовав шурина, поклонился его спутнику:

– Добро пожаловать, благородный господин. Примите извинения, что держал вас у дверей так долго. Дом наш стоит уединенно, а лес кишит разбойниками. Осторожность никогда не помешает. Проходите скорее к огню, обсушитесь, а вашими лошадьми найдется кому заняться... Линкольн! – Лесник выглянул за дверь. – Поставь-ка коней под навес – в конюшне мало места. Брось пару охапок соломы и наполни кормушку сеном...

Услышав голос мужа, в комнату неожиданно вбежала молодая женщина. Ритсон тут же кинулся ее обнимать, восклицая с улыбкой:

– Маргарет, дорогая! Дай-ка я тебя расцелую! Ты, сестрица, вовсе не изменилась, даже похорошела: глаза сияют, румянец во всю щеку. С тех пор как этот лесной увалень к тебе посватался, ты стала настоящей красавицей!

– Я счастлива, – кротко ответила Маргарет, исподтишка бросив на мужа нежный взгляд.

– У Мэгги такой расчудесный характер, что она кого угодно сделает счастливым. В нашем маленьком доме не бывает ни ссор, ни обид... Но хватит об этом, – лесник обернулся к гостям: – Придвигайтесь поближе к огню. Маргарет мигом соберет на стол, а затем приготовит вам постели... Жена, что же ты мешкаешь?

Молодая женщина живо бросилась к очагу, а тем временем Ритсон наклонился над скамьей, откинул край шерстяного одеяла и взглянул на ребенка. Личико крепкого годовалого мальчишки было спокойным – он даже не пошевелился, продолжая легонько посапывать во сне. Поправив сбившийся чепчик, Ритсон выпрямился и негромко окликнул сестру.

– Подойди сюда, сестрица, – проговорил он. – Хоть мы и не виделись восемь лет, я вернулся не с пустыми руками, у меня для тебя есть подарок... Взгляни!

– Мать Божья! – У Маргарет выступили слезы на глазах. – Дитя... сущий ангел! Неужели это твой сынишка? Гилберт, мой брат привез в наш дом малыша!

Лесник приблизился, хмуро поглядывая на шурина.

– Ты что же это, приятель, забросил военное ремесло и записался в кормилицы? – сурово спросил он. – Откуда у тебя ребенок? И что за причуда – скакать по глухим лесам с младенцем под плащом? Зачем ты привез его сюда – говори, да только всю правду!

– Не кипятись попусту, старина Гилберт! – Ритсон поморщился. – Мне и самому уже опостылела роль няньки. Мальчишка этот ко мне не имеет никакого отношения. Он сирота, а благородный господин, который прибыл вместе со мной, – его опекун. Пусть Мэгги пока займется мальчонкой, а его светлость тем временем поведает, откуда это дитя и какова его история.

Молодой женщине не понадобилось повторять дважды; подхватив на руки спящего ребенка, она унесла его к себе в спальню. Нежно поцеловав, Маргарет плотно укутала все еще спавшего мальчика в свою самую лучшую шаль и вернулась с ним к гостям...

По-деревенски простой, но сытный ужин подходил к концу, когда Ритсон едва слышно шепнул своему спутнику: «Не тяните, сэра, пора...» – и тот обратился к хозяину дома:

– Добрый Гилберт, мне отраднее видеть, как сердечно ваша супруга отнеслась к этому ребенку. Решусь сделать вам одно предложение, но прежде позвольте мне рассказать о мальчике, который остался сиротой и чьим единственным покровителем на этом свете являюсь я... Его отец, давний мой соратник по битвам и походам, был мне самым близким другом. Мы вместе участвовали во французском походе, затем на несколько лет расстались и встретились снова уже в Уэльсе. Этот доблестный воин, перед тем как покинуть Францию, полюбил милую скромную девушку, женился на ней и привез ее в Англию. К сожалению, эта новость при дворе была встречена холодно. Молодая женщина неизвестного происхождения, к тому же бесприданница, была сочтена не ровней рыцарю, состоявшему в родстве с королевским домом. Полагаю, что именно холод и презрение, которыми ее окружили в Англии, ранили эту нежную и робкую душу и подорвали здоровье. Роды оказались тяжелыми, а спустя неделю молодая жена благородного рыцаря скончалась, оставив его с крошечным сыном на руках... За этим последовало еще одно несчастье: мальчик лишился отца. Мы бились с моим другом рука об руку в Нормандии[1 - Нормандия – историческая область на северо-западе Франции, как герцогство была создана предводителем викингов (норманнов) Роллоном, неоднократно являлась предметом споров между Англией и Францией. (Здесь и далее примеч. ред.)], когда его смертельно ранили. Последними его словами была мольба взять на себя заботу о сироте. Он сообщил, где мальчик находится, просил забрать его у кормилицы и поместить в надежный дом... Я поклялся всеми святыми, что исполню его последнее желание...

Рыцарь взглянул на спящего ребенка и продолжил в наступившей тишине:

– И я сдержал бы клятву, если бы не королевская служба и долг чести, который не позволяет мне ее оставить. У меня нет ни родни, ни верных людей, на которых я мог бы положиться. Я уже и не знал, как быть, когда ваш шурина посоветовал мне обратиться к вам, Гилберт, – человеку уважаемому и честному. Ритсон поведал, что детей у вас нет, что его сестра – добрая и порядочная женщина и оба вы не откажетесь принять под свой кров сына храброго воина... Разумеется, все расходы по содержанию мальчика я возьму на себя. И если Господь пошлет ему долгую жизнь и здоровье, а я не погибну, он, надеюсь, станет опорой моей старости; лишь тогда я открою ему тайну его рождения...

Пока же вы будете воспитывать малыша так, как если бы он был вашим сыном и по своему разумению... Принимаете ли вы мое предложение?

Гость с тревогой посмотрел на лесника. На суровом лице Гилберта Хэда мелькнула тень сомнения. Он вопросительно посмотрел на жену, но Маргарет молчала, с нежной улыбкой глядя на ребенка. Тогда вмешался Ритсон:

– Смех этого ангела, Мэгги, сделает вашу жизнь полной чашей и, клянусь четками святого Петра, доставит вам не меньшее удовольствие, чем звон золотых, которые ежегодно будет отсчитывать вам щедрой рукой его милость...

Маргарет лишь кротко взглянула на мужа, чье молчание было превратно истолковано рыцарем.

– Вы колеблетесь, мой добрый Гилберт? – спросил он, нахмутив брови. – Столь неожиданное предложение вам не по душе?

– Оно меня устраивает, сэр рыцарь, – помедлив, проговорил лесник. – Если Мэгги согласна, мы оставим ребенка у себя... Как она решит – так и будет.

– Благородный господин прав, – проговорила молодая женщина, – воину выходить малое дитя никак не возможно. Я готова стать ему матерью. – Маргарет обратилась к гостю: – Но, если однажды, сэр, вам придет в голову взять мальчика обратно, признаюсь, мы вернем его с тяжелым сердцем. Единственное, что нас с мужем сможет утешить: у вас он будет счастливее, чем в убогой лесной хижине.

– Значит, она согласна, – кивнул Гилберт Хэд. – Я же, со своей стороны, клянусь беречь этого ребенка и быть ему настоящим отцом. В залог этих слов, сэр рыцарь, даю вам мою перчатку.

– Слово за слово. – Гость тотчас бросил на стол одну из своих перчаток. – Тогда мы можем обсудить размеры денежного содержания ребенка. – Достав из-под полы кожаный мешочек, туго набитый монетами, знатный гость попытался вручить его леснику.

Тот, однако, воспротивился:

- Спрячьте ваше золото, сэр. Хлеб и любовь в нашем доме не продаются!

Мешочек не раз переходил из рук в руки, пока наконец Маргарет не рассудила по-своему. Она заявила, что деньги, поступающие на нужды ребенка, будут храниться в надежном месте и мальчик получит их в целости и сохранности, достигнув совершеннолетия. Так дело и сладилось к общему удовлетворению, и вскоре все разошлись по своим комнатам...

Наутро лесник поднялся чуть свет. Выйдя во двор, он не без зависти оглядел лошадей своих гостей, которых слуга как раз чистил скребницей.

- Что за кони, Линкольн! - вздохнул он. - Выглядят так, словно и не было двух дней пути по бездорожью. Такие красавцы нам, простым людям, не по карману... Кстати, пора бы наполнить кормушки и нашим горемыкам...

Однако свою конюшню он обнаружил совершенно пустой.

- Линкольн, - окликнул лесник, - ты разве уже выпустил лошадей пастись?

- Никак нет, хозяин.

- Чудеса, да и только, - пробормотал под нос Гилберт. Ломая голову, что могло случиться с их лошадьми, он направился в дом и первым делом заглянул в каморку, где было постелено гостям. Там никого не было.

В это время в столовую вошла Маргарет с ребенком на руках, и лесник недоуменно сообщил, что обе их лошадки исчезли, как, впрочем, и ночные гости.

- Сдается мне, Мэгги, - качая в раздумье головой, проговорил лесник, - что в обратную дорогу они оседлали наших кляч, а нам оставили своих норманнских скакунов... С чего бы это?

- Даже не прощаясь? - удивилась Маргарет. - Вот так дела! Может, они хотели скрыть, куда направляются? Или слишком спешили? А может, оставили нам своих коней в знак благодарности за малыша, а уехали ни свет ни заря, опасаясь, что мы откажемся?

– Странно это... Если все так, то премного благодарны, но братом твоим я недоволен. Мог бы и словечко-другое сказать перед дорогой...

– Роланд потерял невесту, ему нелегко смотреть на нашу счастливую семью... Другое меня тревожит. Мы ведь с тобой не знаем даже имени опекуна ребенка. Только то, что он знатный человек и состоит на королевской службе. Брат мой – тоже воин и еще долго может скитаться в чужих краях...

– Эй, Мэг, не будем раньше времени накликавать беду, – вдруг широко улыбнулся лесник. – Погляди-ка лучше, что за мальчишка! Он просто сияет. Дай мне его поцеловать!

– Как же мы назовем нашего сына, Гилберт? – улыбнулась женщина, протягивая ребенка мужу.

– Выбери ему имя сама, Маргарет.

– Нет, уж лучше ты... Он мужчина, тебе и надлежит его назвать.

– Пусть будет Робин – в память о моем младшем брате, что так безвременно погиб. Я часто вспоминаю несчастного Робина...

– Робин Хэд! Звучит совсем неплохо! – молодая женщина, блестя фиалковыми глазами, взглянула на сына и прижалась к плечу мужа.

Со временем «Хэд» удивительным образом превратилось в «Худ». А много позднее наш маленький незнакомец стал известен в этих лесных краях под славным именем – Робин Гуд.

2

Прошло пятнадцать лет. В доме доброго лесника по-прежнему царил счастливый покой, а у мальчика-сироты не нашлось за эти годы ни единого повода усомниться в том, что он любимый сын Маргарет и Гилберта.

Однажды ранним июньским утром мужчина средних лет, обликом и одеждой похожий на йомена, ехал верхом на крепком пони через Шервудский лес. Дорога вела в живописную деревеньку Мэнсфилд-Вудхауз.

Только что взошедшее солнце освещало лесную чащу, ветерок доносил терпкий аромат молодой дубовой листвы и полевых цветов, ярко зеленели мхи и травы, осыпанные каплями росы, в ветвях перепархивали, распевая, птицы – и лишь кое-где в низинах еще стлались клочья ночного тумана.

Человеку было хорошо, и он затянул своим сильным, но грубоватым голосом старую саксонскую песню. Неожиданно у самого его уха просвистела стрела и вонзилась в ствол дуба.

Скорее удивленный, чем испуганный, человек спрыгнул с седла, укрылся за стволом и в два счета натянул тетиву собственного тисового лука, изготовившись к обороне. Однако ничем не нарушаемая тишина заставила его призадуматься. Никто не пытался его атаковать. Может, стрелу выпустил беспечный охотник? Или бродяга, промышляющий разбоем, который, промахнувшись, затаился в чаще? Но тогда он слышал бы лай охотничьих собак, а разбойникам издали видно: взять с него нечего, кроме пони. Да ведь он и сам никогда не отказывал в куске хлеба и кружке эля ни одному из тех лесных обитателей, которым случалось постучать в его дверь поздней ночью. Может, он ненароком оскорбил кого-то и в кустах прячется мститель? Да ведь и врагов у него как будто не водилось...

«Ну что ж, – подумал Гилберт Хэд, – раз на мои вопросы нет ответов, попробуем действовать иначе...»

Он вскинул лук, целясь в самую гущу зарослей, где мог бы скрываться противник. Если и не удастся попасть, то, по крайней мере, можно вынудить его обнаружить себя.

Первый его выстрел не дал результата. Снова зазвенела тетива, и тут произошло нечто невероятное: вторая стрела Гилберта остановилась на лету – под прямым углом в ее древко вонзилась чужая ответная стрела, и обе они упали на землю. Невидимый лучник так мастерски владел оружием, что Гилберт, позабыв об опасности, в восхищении выскочил из укрытия.

– Вот это выстрел! Отродясь не видел ничего подобного! – вскричал он, озираясь в поисках волшебного стрелка.

Раздался задорный смех, и на дороге показался рослый и крепкий юноша.

– Ну что, батюшка, кажется, моя стрела слегка пощекотала вам ухо? – весело спросил он.

– Господи помилуй! Так это ты, Робин?.. Ну и паршивец! Иди сюда, мой мальчик. Как же ты осмелился поднять оружие на отца? Клянусь святым Дунстаном[2 - Святой Дунстан (928–988) – архиепископ Кентерберийский, настоятель знаменитого монастыря Гластонберри, духовный вождь церковной реформы, направленной на укрепление монашества. Авторитет святого Дунстана был чрезвычайно высок в народе.], я уж было решил, что это разбойники собрались меня прикончить... Дай обнять тебя, мошенник этакий! – басовито посмеивался лесник, с удовольствием вглядываясь в лицо юноши.

Дерзкий стрелок обладал необычной внешностью. Гладкий, как слоновая кость, лоб юноши обрамляли волнистые пряди густых черных волос, за длинными ресницами прятались темно-синие, ярко вспыхивающие глаза, открытое лицо с высокими скулами было полно энергии. Вместе с тем в этих тонких чертах не было ничего женственного – в свои пятнадцать Робин был уже почти взрослым, уверенным в себе мужчиной. Лицо его покрывал легкий загар, но там, где одежда открывала шею и запястья, было видно, что кожа у него атласно-белая. Наряд юного лучника составляли шляпа с пером цапли, куртка из зеленого сукна с широким поясом, короткие штаны из оленьей замши и саксонские сапоги, стянутые прочными ремнями у щиколоток; на перевязи, украшенной стальными пряжками, висел колчан со стрелами и небольшой рог, за пояс был заткнут охотничий нож; в руке он все еще сжимал лук.

– А что, если бы ты прострелил мне голову? – с напускной строгостью спросил Хэд. – Полегче с такими шуточками, сэр Робин!

– Простите, батюшка! Я совсем не хотел вас огорчить.

– Верю. Но, мальчик мой, в твоих забавах любой пустяк может закончиться бедой. Я-то тебе прощаю, однако игры твои с луком и стрелами мне не по нраву.

– Умоляю, забудьте мое легкомыслие! – в голосе юноши звучало искреннее раскаяние. – На этот поступок меня толкнула гордыня.

– Гордыня?

– Да, да! – горячо воскликнул Робин. – Разве вчера после ужина вы не сказали мне, что я еще не настолько хороший стрелок, чтобы спугнуть лань, задев шерстинку на ее ухе и при этом даже не поцарапав животное? Ну вот я и решил... опровергнуть ваши слова.

– Хорош довод, нечего сказать! – хмыкнул Хэд. – И это я слышу от своего ученика! Ладно, забудем все, но обещаю тебе, сэр Робин, не превращать серьезное дело в забаву. Мастерство ты свое доказал, и, думаю, лучшего стрелка не найти во всем графстве, а может, и во всей Англии.

– Пусть у меня отсохнет правая рука и ни одна стрела не попадет в цель, если я забуду все, что вы сделали для меня, отец!

– Робин, не следовало бы тебе продолжать называть меня отцом; мы связаны с тобой лишь доверием и дружбой. Ведь отныне ты все знаешь о себе... Не возражай, я верю, что ты привязан к нам с Мэгги... Проводи меня немного, я хочу с тобой кое о чем побеседовать... – Гилберт Хэд двинулся по дороге, ведя в поводу пони, примчавшегося на свист хозяина. – Есть у меня некое предчувствие, что в скором времени нам с твоей приемной матерью придется нелегко.

– Что за странная мысль, отец?

– Ты уже взрослый, и, благодарение Господу, сил и храбрости у тебя хватает. Мы год от года старимся и расстались бы с миром со спокойной душой, если бы только приоткрылась тайна твоего рождения.

– Тот рыцарь... он никогда больше не объявлялся?

– Нет, – нахмурился Хэд, – а известие от него я получил всего однажды.

– Может быть, он погиб в битве?

– Кто знает... Спустя год после того, как тебя оставили в нашем доме, неизвестный посланец вручил мне мешок с серебром и пергамент, но оттиска герба на воске, которым он был запечатан, не оказалось. Я отнес пергамент священнику; тот прочитал мне его, а я запомнил все слово в слово. Вот что там значилось: «Добрый Гилберт, год назад я поручил твоим заботам ребенка и взял на себя обязательства по его содержанию; тебе вручат причитающуюся сумму. Ныне я покидаю Англию на срок, который мне пока не известен. Поэтому я принял меры, чтобы ты ежегодно и впредь получал обещанные деньги. Как только наступит время очередного платежа, тебе следует явиться в канцелярию шерифа Ноттингемского[3 - Шериф – в средневековой Англии одна из основных локальных административных должностей, назначаемых королем. Самым известным шерифом эпохи Плантагенетов был легендарный шериф Ноттингема, враг Робина Гуда.], и ты получишь сполна за свои труды и милосердие. Воспитавай мальчика как своего сына. Я же по возвращении явлюсь за ним». Подписи и даты под пергаментом не было, откуда явился посланец – осталось неизвестным. Он исчез так же безмолвно, как и появился. Тебе теперь известно все, что поведал нам о твоем благородном происхождении твой опекун; однако, если не считать его слов, других подтверждений этому нет... Кое-что должен знать мой шуринок Роланд Ритсон, но и он как сквозь землю провалился...

– Я не пойму, отец, что вас так тревожит, – пожал плечами юноша. – Как по мне, я жил бы с вами и дальше без всяких перемен.

– Так-то оно так, сынок... И шериф ежегодно вручает мне эти гинеи, непонятно откуда поступающие, а Маргарет бережет их в чулке для тебя, и на здоровье мы пока не жалуемся... – продолжал рассуждать вслух лесник. – Но ведь нет никакой уверенности, что рано или поздно ты получишь те почести и богатство, что принадлежат тебе по праву рождения. Если твой покровитель не объявится до нашей кончины, мои последние часы будут отравлены великой печалью...

– Бог с вами, отец! Вы с матерью еще долго проживете!

– Как знать, Робин, – вздохнул Хэд. – Но, если нас разлучит внезапная смерть, помни твердо: ты наш единственный наследник. Хижина, в которой ты вырос, и земля вокруг нее – твои. С деньгами, что предназначались на твое содержание, скопившимися за пятнадцать лет, ты можешь жить в довольстве.

Юноша быстро отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы, а затем, вскинув подбородок, весело воскликнул:

– Зачем говорить о разлуке, отец! Мысли о таких вещах делают нас слабыми. Я уже взрослый мужчина. Когда-нибудь все откроется, а нет – и это не помешает мне радоваться жизни. Пусть я не знаю своего настоящего имени, зато мне ясно, кем я хочу стать: лучшим стрелком в мире!

– А ты и без того лучший из лучших, Робин. – Гилберт Хэд остановился. – Прощай, сынок, мне пора по делам, а не то получу от Мэгги взбучку... Ступай, упражняйся в меткости, но и о доме не забывай...

Хэд взгромоздился на пони и, уже не оглядываясь, скрылся между деревьями. Юноша, тут же смахнув с лица беспечную улыбку, медленно побрел в глубину леса, который знал с детства, как собственную ладонь...

Какое-то время Робин развлекался, сбивая стрелами тонкие веточки с вершин самых высоких буков. Когда это ему наскучило, он улегся на поляне в тени и стал размышлять о разговоре с приемным отцом. Все его помыслы пока не выходили за пределы дома лесника, а наивысшим счастьем для себя он считал бы возможность беспрепятственно охотиться в Шервудском лесу, все еще полном дичи.

Неожиданно до его слуха донесся шорох листвы и треск ветвей; подняв голову, Робин заметил мелькнувшую между кустами лань. Он хотел было броситься в погоню, однако инстинкт охотника заставил его прежде оглядеться. И сделал он это не зря: за пригорком притаился мужчина, пристально следивший за тропой, ведущей в Мэнсфилд-Вудхауз. Юношу он не замечал. По одежде чужак не походил на охотника, и понять, что он делает в чаще, пока было невозможно. Робин бесшумно вскочил на ноги и укрылся за мшистым стволом старого бука.

Вскоре его чуткий слух уловил свист летящей стрелы, испуганный храп лошадей и встревоженные голоса на тропе. Одновременно из засады, где таился мужчина, послышались глухие проклятья и тут же смолкли. Юноша подкрался ближе к тропе и сразу же понял, что произошло. Тот, кто прятался в лесу, послал стрелу прямо туда, где минуту назад остановились два всадника: мужчина и молодая дама. Дама испуганно озиралась, а ее спутник в нерешительности разворачивал коня, не зная, продолжать путь или защищаться. Внезапно девушка пронзительно вскрикнула – в высокую луку[4 - Лука – часть внутреннего каркаса седла, позволяющего седлу сохранять форму спины лошади.] ее седла вонзилась еще одна стрела, пущенная подлой рукой. У Робина больше не

оставалось сомнений – в засаде таился убийца.

Охваченный гневом, юноша развернулся в ту сторону, откуда исходила опасность, и мгновенно натянул тетиву. Его стрела прошила кисть левой руки подлеца как раз тогда, когда тот был готов продолжить свою кровавую охоту. Следующий выстрел сбил с него шляпу.

Рыча от боли, мужчина горящим от бешенства взглядом пытался отыскать в зарослях того, кто осмелился ему помешать, но безуспешно. Наконец он покинул засаду, изрыгая проклятья и держа на весу лук и простреленную руку, и нырнул в чащу. Робин проводил чужака дерзким хохотом и не пожалел еще одной стрелы, надолго лишившей убийцу возможности сидеть.

Едва опасность миновала, лучник вышел из укрытия на тропу. Собираясь поприветствовать всадников, он прислонился к дереву и уже открыл было рот, как девушка испуганно вздрогнула, а ее спутник ринулся к юноше, обнажив меч.

– Эй, сэръ рыцарь, – попятился Робин, – не горячись! Стрелы, летевшие в вас, были не из моего колчана! Я только что спас вам жизнь!

– Кто же тогда желал нашей смерти? – нахмурился всадник. – Говори немедленно! Может, ты с ними заодно?

– Ну и морока на мою голову... – насмешливо произнес Робин. – Не советую, сэръ, мне угрожать – моя стрела пробьет вашу печеньку прежде, чем вы сделаете еще один шаг... Я не знаком с этим негодяем, я лишь случайно заметил, что он таится в кустах и не сводит глаз с дороги. Есть ли у достойного господина враги? Хотя мне показалось, что убийца метил в даму. Я не мог такого стерпеть!

Рыцарь по-прежнему недоверчиво глядел на юношу, не пряча меча.

– Негодяй бежал как ошпаренный, – продолжал Робин, – и еще долго будет зализывать раны. Я никогда не промахиваюсь... Взгляните на меня, сэръ: разве я похож на разбойника?

– Прости, юный стрелок, – смутился рыцарь, возвращая меч в ножны. – И позволь пожать твою руку. Назови свое имя и, если сможешь, отведи нас туда, где

можно передохнуть... Но прежде прими этот кошелек, а в остальном Господь тебя отблагодарит.

– Следуйте за мной, а золото ваше мне ни к чему, сэра. Имя мое – Робин Гуд, я живу с отцом и матерью в двух милях[5 - Миля – путевая мера для изменения расстояния, введенная в Риме. Во многих странах применяется до сих пор. Величина мили различна в разных странах. В Англии обыкновенная английская, или лондонская, миля равна 1,52 км, а законная британская – 1,61 км.] отсюда на опушке леса. В нашем доме вас ждет сердечный прием.

Молодая дама приблизилась к ним, и юноша увидел, как из-под шелкового капюшона блеснули огромные черные глаза. Восхищенный благородной осанкой наездницы, Робин церемонно поклонился.

– Следует ли нам верить словам этого паренька? – надменно спросила девушка, обращаясь к спутнику.

Прикусив губу, Робин воскликнул:

– А что, на земле уже перевелись честные люди?

Всадники переглянулись с улыбкой – они больше не сомневались в его искренности.

3

Поначалу они двигались в молчании: рыцарь и его спутница все еще были взволнованы случившимся, а юный лучник испытывал неведомые ему дотопе чувства – впервые его заворожила женская красота. Однако он и виду не подавал – размашисто шагал впереди всадников, храня на лице суровое выражение. По многим признакам он догадался, что всадники эти, скромно одетые и путешествующие без свиты, тем не менее принадлежат к знати. Но здесь, в чащобе Шервудского леса, он был им ровня, а в минуту опасности даже превосходил. Ему страстно хотелось, чтобы незнакомка обратила на него внимание – ведь он был не простой йомен, а первый стрелок в графстве. Вскоре

Робину все же удалось обрести обычное хладнокровие, и он подумал: «Терпение, скоро я увижу ее лицо без капюшона!»

Наконец он остановился и обратился к своим спутникам:

– Теперь, господа, ежайте прямо, и вскоре на опушке вы увидите дом моего отца. Я же должен отправиться на охоту, чтобы добыть к ужину дичь...

– Благородный мальчик, не так ли, Мэрион? – вздохнул рыцарь, провожая взглядом стройную фигуру стрелка. – Вырастет самым достойным лесником в Англии... Каким же крепким и здоровым делает человека жизнь в лесах; в каменных темницах городов все не так...

– Мне кажется, сэр Аллан Клер, – лукаво усмехнулась молодая дама, – вы вздыхаете вовсе не о том. Просторы Шервудского леса вызвали в вашей памяти образ его хозяйки, наследницы барона Фиц-Олвина.

– Вы правы, любезная сестра. Должен признаться, что будь у меня выбор, я предпочел бы иметь жилищем хижину какого-нибудь йомена и быть мужем Кристабель, чем сидеть на троне.

– Мой брат неисправим, – вздохнула Мэрион. – Вы уверены, что Кристабель согласится сменить жизнь принцессы на жалкое существование, о котором вы грезите? Впрочем, не питайте надежд: я очень сомневаюсь, что барон когда-либо согласится отдать вам руку своей дочери.

Рыцарь нахмурился:

– Если она меня действительно любит, ей будет повсюду со мной хорошо... Вы полагаете, что ее отец мне откажет? А ведь достаточно мне обронить полслова, как гордец Фиц-Олвин примет мое предложение – хотя бы из боязни стать изгнанником и утратить свой Ноттингемский...

– Тише! Вот, кажется, и хижина юного лесника, – проговорила девушка, останавливая брата. – Его мать встречает нас на пороге... Достойная, судя по всему, женщина.

– Сын ей под стать, – кивнул сэра Аллан. – Как это он умудрился нас опередить?

– О, да ведь он далеко уже не мальчик... – прошептала Мэрион, откидывая капюшон, скрывавший ее лицо в тени.

Робин стоял подле матери, не сводя с девушки восхищенных глаз. Волнение его было так искренне, что, не отдавая себе отчета, он воскликнул:

– Я был уверен, что такие дивные глаза могут озарять только самое прекрасное лицо на свете!

Маргарет, изумленная дерзостью сына, тут же одернула его.

Сэр Аллан Клер улыбнулся; его сестра, нисколько не гневаясь на дерзость юноши, лишь слегка покраснела, следя за тем, как Робин обнимает смущенную мать.

Нежданных гостей провели в дом.

А вскоре вернулся Гилберт Хэд, подобравший на обратном пути раненого молчаливого мужчину, который прятал лицо за плащом. Лесник снял незнакомца с седла и внес на руках в гостиную, а затем кликнул Маргарет, хлопотавшую в комнатах:

– Жена, этому бедолаге нужна помощь. Кто-то сыграл скверную шутку, пригвоздив стрелой кисть его руки к рукояти лука. Он потерял много крови... Как ты, приятель? – спросил лесник, обращаясь к раненому. – Да подними же голову и не робей. Потерпи немного, черт побери! Еще никто не умирал от того, что ему продырявили руку...

Мужчина еще больше сгорбился, втягивая голову в плечи. Лица своего он так и не открыл, словно не хотел, чтобы хозяева дома запомнили его черты.

Маргарет взялась осматривать рану, вошедший Робин хотел было ей помочь, но, едва бросив взгляд на раненого, тут же сделал знак Гилберту Хэду отойти с ним в сторону.

– Отец, – прошептал юноша, – не сообщайте нашим гостям, что этот человек находится здесь... И будьте осторожны...

– Зачем из пустяка делать тайну? – недовольно проворчал Гилберт. – И почему ты предупреждаешь меня об осторожности? Говори сейчас же: что общего между этим человеком и...

Его слова прервал крик раненого – Маргарет, переломив окровавленное древко стрелы, выдернула его из раны и отбросила в угол. Затем она наложила тугую повязку и увела раненого из гостиной.

– Ах, вот оно что, сэр разбойник, это твои штучки! – Гилберт негодуя шагнул к сыну. – Я запретил тебе упражняться в меткости на людях, но ты ослушался!

– Я? У меня и в мыслях не было ничего подобного!

– Но разве не ты ранил бедолагу? Не спорь: наконечник стрелы выдает тебя с головой – на нем наше клеймо...

– Да, это я стрелял в него, отец, – сухо ответил Робин. – И не испытываю ни стыда, ни раскаяния, потому что этот человек – негодяй.

Лицо лесника омрачилось:

– Это постыдно, сын: из пустого бахвальства ранить человека, не сделавшего тебе никакого зла, и вдобавок назвать его негодяем!

– Пусть стыдится тот, кто подкарауливал путников в засаде у тропы и кого вы столь великодушно подобрали в лесу. – Вслед за этим Робин поведал отцу обо всем случившемся.

– Он тебя видел? – с беспокойством спросил лесник.

– Нет.

– Прости меня, я был несправедлив. Если все обстоит так, как ты рассказал, то, кажется мне, в лесу прячется кто-то еще. Этот человек был не один... То-то он

так усердно прячет лицо... Может, злодей и раньше попадался мне на глаза, однако, сколько ни силюсь, не могу припомнить. Вот что, Робин...

Их беседа была прервана появлением гостей, спустившихся из верхних комнат. Хозяин сердечно приветствовал обоих – рыцаря и молодую госпожу.

В этот вечер в жилище лесника царило необычное оживление. До ужина все занимались своими делами, и лишь Робин слонялся по дому, поглядывая на прекрасную даму и тайком вздыхая. Молодая женщина пробудила в нем целую бурю чувств. Ему и прежде случалось влюбляться в деревенских красоток, но на следующее утро, увлекшись охотой, он тут же забывал о них... Теперь же Робину казалось, что он скорее умер бы, чем осмелился сказать хоть слово благородной всаднице, которой спас жизнь.

Пока юноша молчаливо восхищался гостьей, сэр Аллан Клер расхваливал отвагу и меткость Робина Гуда. Лесник, между тем, сообщил гостю, что мальчик вовсе не его сын – так он поступал в последние годы всегда, беседуя со знатными господами, в надежде, что кто-нибудь поможет ему раскрыть тайну происхождения приемыша.

– Опекун, оставивший нам ребенка на воспитание, по-видимому, прибыл из города на реке Трент, – закончил свой рассказ Гилберт Хэд, – потому что именно тамошний шериф выплачивает нам ежегодное содержание...

– Мы родом из Хантингдоншира и всего несколько дней, как оттуда, – удивился рыцарь, – но ничего подобного я не слышал. Ни о браке кого-либо из рыцарей с молодой француженкой, ни о гибели самого рыцаря в Нормандии... Столь редкостная история была бы на устах у всех. Позвольте мне, добрый Гилберт, усомниться в том, что пятнадцать лет назад вам сказали правду. Слишком много странных обстоятельств. Зачем, например, понадобилось увозить ребенка в такую глушь?.. В любом случае, по возвращении в Хантингдон я почту за долг попытаться разыскать следы родни Робина – ведь мы с сестрой обязаны ему жизнью. Кроме того, я хотел бы, чтобы ваш приемный сын завтра с утра сопровождал меня в пути через лес. Боюсь, без его помощи мне верной дороги не найти. Сестра же, если позволите, погостит у вас до моего возвращения.

Гилберту Хэду не хотелось отпускать сына, но из головы у него не выходил раненый негодяй, и он уступил. В конце концов было решено, что сэр Аллан

с Робинот отправятся в путь с первыми лучами солнца...

Едва стемнело, как двери дома были заперты на кованые засовы. Все собрались за столом у очага. Беседа за ужином была оживленной, лесник успел рассказать немало забавных историй, но тут его речь, сдобренную простодушным юмором, внезапно прервал отрывистый свист, прозвучавший в темноте за окном. Тревожно взвыла одна из сторожевых собак, затем все стихло.

– Не удивлюсь, если неподалеку околачивается тот, кто без стеснения запускает лапу в чужой карман, – настороженно заметил лесник. – Бродяги не раз пытались ворваться в наш дом, несмотря на то что мы с женой небогаты и порой в холодные зимы делились с ними, чем могли...

– Разбойникам неведома признательность! – проговорил сэр Аллан.

Мэрион невольно вздрогнула, и это не мог не заметить Робин. Ее страх не укрылся и от Гилберта Хэда. Он с улыбкой проговорил:

– Не тревожьтесь, благородная госпожа. Не было еще случая, чтобы наши луки не защитили женщин...

Его прервал оглушительный стук в дверь.

Собаки, мирно дремавшие у очага, вскочили с неистовым лаем; лесник, рыцарь и Робин бросились к входу, а Мэрион прижалась к Маргарет.

– Эй, полегче! – загремел хозяин дома. – Кто в такую пору столь бесцеремонно обращается с моей дверью?

В ответ послышались еще более сильные удары. Гилберт повторил вопрос, но из-за оглушительного лая собак не расслышал ответа. Наконец из-за двери послышался зычный голос:

– Отпирай, лесник!

– Кто вы?

- Двое монахов из ордена святого Бенедикта.

- Откуда и куда держите путь?

- Идем из нашего аббатства[6 - Аббатство – католический монастырь, принадлежащий какому-либо монашескому ордену, управляемый аббатом и подчиняющийся епископу, а иногда непосредственно Папе Римскому. Крупные и богатые монастыри нередко пользовались большим влиянием в обществе, играли важную роль в экономике и политике.] в Линтоне, а направляемся в Мэнсфилд-Вудхауз. Мы заблудились и умираем от голода... Да усмири ты своих бешеных псов!..

Лесник отогнал собак, однако медлил, все еще не отпирая.

- Монах, – наконец сказал он, – что-то не слышу я в твоем голосе смирения, подобающего тому, кто отрекся от всего земного. Как мне убедиться – не врешь ли ты?

- Вот дьявольщина! – нетерпеливый голос за дверью зазвучал смиреннее: – Отвори, упрямец, да и глянь на нас!

Гилберт недоверчиво прищурился.

- Ради Христа, открой нам, добрый человек, мой брат говорит сущую правду, клянусь мощами нашего небесного покровителя. Я уже не в тех годах, чтобы брать грех на душу... – услышался еще один голос.

- Хорошо, – внушительно воскликнул Гилберт. – Нас здесь четверо вооруженных мужчин. Я отопру, а мой слуга возьмет собак на сворки[7 - Сворка – бечевка, на которой водят борзых собак, обычно по две.]. Если окажется, что вы нас дурачите, – он тотчас их спустит.

Едва дверь приотворилась, как снаружи ее с силой толкнули и на пороге возник великан в черной рясе, подпоясанной пеньковой[8 - Пеньковый – сделанный из грубого волокна, полученного из стеблей конопли.] веревкой. Он опирался на узловатую кизилковую палку, скорее – дубинку; на поясе у него висели точеные деревянные четки с костяшками величиной чуть ли не со сливу. Из-за плеча великана робко выглядывал старик в таком же одеянии.

– Добрый лесник, да у тебя все готово к ужину! – радостно воскликнул монах-великан, бесцеремонно протискиваясь к очагу. – Я уж примусь за него, не дожидаясь твоего любезного приглашения. Не сердчай на мое оголодавшее брюхо...

– И вы простите меня, Божьи странники, – отвечал Гилберт, жестами приглашая всех вернуться к прерванной трапезе, – что не спешил отворить вам. Такие уж нынче времена...

Старый монах – звали его брат Элдред – осенил себя крестным знамением, прежде чем взяться за еду, и пробормотал краткую молитву. Тем временем его товарищ уже расправлялся со вторым ломтем жареной оленины, с жадностью запивая еду элем.

– Осторожность нынче кстати, – невнятно проговорил он, переводя дух и поглядывая на лесника. – Свирепых бродяг здесь – что блох на сеновале. И получаса не минуло, как парочка мерзавцев накинулась на нас. Клянусь вороном святого Бенедикта! Я чуть было не отзвонил обедню дубинкой по их спинам, да тут раздался протяжный разбойничий свист... Залаяли собаки, злодеи отступились, и мы, милостью Божией, нашли ваш дом.

Произнеся это, монах вновь наполнил кружку до краев и тут же ее опустошил.

– Славный у тебя песик, хозяин! – Великан протянул было лапищу, чтобы погладить волкодава, но тот, не отвечая на ласку гостя в рясе, отвернулся, глухо заворчал и одним прыжком вновь очутился у двери.

– Робин, подай-ка мне палку и прихвати свою, – негромко произнес лесник.

– У меня рука чугунная, а дубинка кизилковая, – ухмыльнулся монах-великан. – Ежели заявятся лихие гости, все это в вашем распоряжении.

- Терпение, чада мои, - призвал брат Элдред, - первыми не убивайте...

Его слова заглушил возглас Маргарет. Ей почудилось, что на лестнице стоит раненый, которого она считала лежащим в полубреду в постели. Все разом обернулись, однако на лестнице уже никого не было.

- Что ты, Мэгги, тебе померещилось, - попытался успокоить жену Гилберт.

- Нет, он был там... - упрямо твердила Маргарет, дрожа всем телом. - Похож на привидение...

Хэд незаметно кивнул сыну, и Робин, выскользнув из-за стола, с независимым видом поднялся на второй этаж. Дверь комнаты была полуоткрыта, и с первого же взгляда Робин понял, что раненого в кровати нет. Наполовину высунувшись из раскрытого окна, мужчина негромко переговаривался с кем-то, кто находился внизу. Робин опустил на четвереньки, бесшумно подобрался едва ли не к самым ногам разбойника и стал прислушиваться к разговору.

- Леди и рыцарь здесь, - говорил раненый, - я их только что видел. Я бы поквитался с ними еще сегодня, да дьявол их бережет: неизвестно откуда вылетела стрела, покалечила мне руку, и они ускользнули...

- Проклятье!

- Случай привел их в дом лесника - того самого, что подобрал меня, когда я истекал кровью.

- Теперь они от нас не уйдут.

- Сколько вас там, парни?

- Семеро. Нам главное - войти, да засовы у них прочные, и вдобавок целая свора собак...

- Зачем нам дверь? Пусть так и остается на запоре, а то красotka с братцем в пылу драки могут и улизнуть. Лезьте через окно, там внизу я видел лестницу...

– А, так вот что у тебя на уме, злодей?! – вскричал Робин.

Вскочив, он схватил мужчину за ноги и одним рывком перебросил его тощее тело через подоконник. Ярость и очевидная опасность, грозящая их дому, удесятирила силы юноши. В следующее мгновение он быстро выглянул вниз: раненый разбойник лежал в деревянном чане с дождевой водой, не подавая признаков жизни, а незнакомец, с которым тот беседовал, исчез.

Спустившись в гостиную, Робин поведал о своем приключении. Поначалу оно вызвало смех, однако лесник предположил, что злодеи, опомнившись, все-таки попытаются ворваться в дом. Нужно быть готовыми отразить нападение, а если придется, то и выдержать осаду.

Брат Элдред вполголоса творил молитву, а великан, чей голод в конце концов притупился, расправил могучие плечи и испустил громовой боевой клич. Гилберт остановил его жестом: снаружи слышались глухие стоны и прерывистый посвист. Раненый пришел в себя и звал сообщников на помощь. Затем наступила тишина, и вдруг раздался громовой удар рукоятью меча в дверь, и голос, перекрывший бешеный лай собак, прокричал:

– Именем барона Фиц-Олвина, нашего благородного и могущественного повелителя, приказываю тебе, лесник, отпереть и без промедления выдать нам господина и даму, что укрываются в твоём доме!

Гилберт Хэд вопросительно взглянул на рыцаря.

– На моей совести нет преступления, – проговорил сэръ Аллан.

– Я верю вам, – кивнул лесник. – Вы по-прежнему мои гости, и долг велит мне оказать вам помощь и защиту.

– Отпирай же, проклятый мятежник!

– Не дождетесь! – крикнул Гилберт.

– Ну, это мы сейчас поглядим...

Вновь раздался оглушительный удар, за ним еще один, но дверь устояла.

Поняв, что сейчас начнется штурм, лесник спокойно велел жене:

– Мэгги, поднимайтесь вместе с госпожой наверх, закройте все окна и ждите, пока мы не разберемся с разбойниками... А ты, Робин, – он повернулся к сыну, – кликни Линкольна, а сам займи площадку лестницы – на случай, если они все-таки ворвутся...

Линкольн, пожилой, но весьма еще крепкий слуга, уже спешил к хозяину с увесистой дубиной в руках, тихим посвистыванием сзывая собак.

– Дверь отперет брат монах, его дубина приголубит первого же негодяя, а ты, Линкольн, отодвинь живее к стенам стол и скамьи, погаси светильники и становись рядом с этим силачом в рясе... Я буду держать наготове лук и стрелы. Брат Элдред, довольно молитв, спрячьтесь за очагом...

– Отец! – Робин стремительно сбежал вниз по лестнице. – Я видел в окно: эти негодяи складывают перед дверью хворост, чтобы его поджечь. Их семеро, не считая того, который ранен.

– Сынок, возвращайся наверх, – распорядился Гилберт. – А теперь, во имя святого Бенедикта, – отворяйте, святой отец!

Отступив в сторону, монах-великан отодвинул засовы – и тут же, перескочив через груды хвороста, наваленную у двери, в дом ввалился первый разбойник. Однако не успел он и шагу ступить, как в горло ему вцепился волкодав Ланс, а дубины слуги и монаха обрушились на его затылок. Главарь бандитов рухнул на пол. Та же участь постигла и двоих, следовавших за ним.

Тем не менее четверо уцелевших сумели прорваться в дом, и завязалась отчаянная рукопашная. Лесник, заметив, что незваные гости по неизвестной причине избегают пускать в ход мечи и короткие копья, и сам решил не доводить дело до кровопролития, предоставив монаху и Линкольну обстоятельно отделать дубинами приспешников барона Фиц-Олвина.

Робину также не терпелось ввязаться в драку. Не успел он, послушавшись отца, сбежать вниз, размахивая луком, как один из разбойников, рослый, как Геркулес, заступил ему дорогу и взмахнул копьем, целясь прямо в грудь юноши. Линкольн, бдительно следивший за всем, что творилось в гостиной, с одного взмаха уложил убийцу.

– Где трое, там и четверо! – со смехом воскликнул старый слуга.

Оставались еще трое разбойников, но они уже едва держались на ногах – удары кизиловой дубины монаха-великана сыпались на них градом.

Пока Линкольн связывал руки и ноги злодеям, выяснилось, что один из них уже успел испустить дух. Тем временем лесник старался уговорить волкодава, продолжавшего висеть на глотке главаря шайки. Разбойник хрипел и судорожно дергался, истекая кровью и силясь достать мечом брюхо пса, но тот лишь крепче сжимал клыки.

В пылу схватки никто, кроме Робина, не заметил, как в дом, покачиваясь и размахивая мечом, вошел мужчина, которого сообщники выудили из чана с водой и уложили на траву, а тот мало-помалу пришел в себя.

– Отец, – вскричал юноша, – берегись!

Громкий крик словно подстегнул пса – свирепым рывком Ланс напрочь разодрал горло разбойника и с рычанием бросился к леснику.

Вскоре все было кончено: слуга задвинул засовы на двери, раненый, получив еще один крепкий удар дубиной, со стоном рухнул на пол, вновь потеряв сознание, остальные злодеи были накрепко связаны. Убедившись, что главарь их мертв, те, кто еще мог ворочать языком, запросили пощады.

– Я свое дело сделал, – весело молвил монах, отдуваясь и ставя свою дубину в угол. – Теперь вашу участь, еретики, решит хозяин дома.

Согласно обычаям того времени, Гилберт Хэд имел право владельческого суда, то есть мог подвергнуть любому наказанию вплоть до предания смерти тех, кто посягнул на его жилище. Но лесник поступил иначе. Он велел Линкольну и

великану-бенедиктинцу скрутить негодяев одной веревкой, отвести в самую глухую чащобу и там оставить на произвол судьбы, чтобы у них нашлось время поразмыслить о своей греховной жизни.

Но в ту минуту, когда слуга уже собирался присовокупить раненого Робинот разбойника к общей связке, тот оттолкнул его уцелевшей рукой и прохрипел:

- Гилберт, я должен тебе кое-что сказать, прежде чем умру!

- Ты грязная неблагодарная свинья, - с презрением проговорил лесник, однако приблизился к раненому, - тебя бы первым следовало повесить, а я сам привел тебя к себе в дом!

- Выслушай меня, - пробормотал раненый, - это важно... Робин, твой сын... Он был рожден... - Глаза мужчины закатывались, силы покидали его.

- Говори же! - лесник взволнованно склонился над умирающим.

- Пусть все уйдут...

- Мы здесь и так одни. Старый монах нас не слышит, а Линкольн занят... Что ты можешь знать о Робине, негодяй?!

- Гилберт, - голос раненого совсем ослабел. - Я сделал тебе много зла... но не дай мне умереть... я задыхаюсь... верни меня к жизни, чтобы я мог тебе все сказать...

Лесник выпрямился, осматриваясь среди царившего в гостиной разгрома и прикидывая, как бы перенести разбойника на скамью, но тот, решив, что его бросают умирать в одиночестве, снова захрипел:

- Гилберт, разве ты не узнал меня? Взгляни... это же я, твой шуринок Роланд Ритсон... Смилуйся, дай мне проститься с Мэгги!

- Матерь Божья! Ты - Роланд?

Гилберт Хэд опустился на колени рядом с умирающим, но родной брат его любимой жены уже снова впал в беспамятство...

5

Остаток этой тревожной ночи прошел тихо; в доме лесника бодрствовал лишь Гилберт Хэд. Ритсон так и не приходил в сознание. Его уложили в коморке Линкольна после того, как Маргарет безмолвно обмыла раны брата, едва сдерживая душившие ее слезы. Она с трудом признала в этом постаревшем человеке весельчака Роланда, по которому так тосковала. Однако она не стала спрашивать у мужа, чего он так терпеливо ждет, сидя у изголовья умирающего.

Час шел за часом, и Гилберт просил Бога только об одном: пусть его несчастный заблудший шурина наконец очнется. Молитва его была услышана – на рассвете веки Ритсона слабо дрогнули, и раненый открыл глаза. Затем дрожащая рука покаянно простерлась к Гилберту Хэду.

– Простил ли ты меня? – едва слышно прошепел Ритсон.

– Сначала ты мне все скажешь... – сурово отвечал лесник.

Сверху донеслись шаги, раздался жизнерадостный голос Робина:

– Отец, ты не спишь? Мы с сэром Алланом отправляемся в Ноттингем и хотим проститься с тобой. С нами едет бенедиктинец – у него в городе важные дела...

Хэд вышел в гостиную, чтобы наспех обнять сына: уж слишком он торопился выслушать то, что готовился сообщить Ритсон. Наконец входная дверь была заперта, и лесник возвратился в каморку, отослав слугу. Женщины и старик-монах еще спали, утомленные вчерашними бурными событиями.

– Мы одни, и я тебя слушаю, – произнес Гилберт, вновь усаживаясь у изголовья постели Ритсона.

– Барон Фиц-Олвин приказал схватить рыцаря и молодую госпожу, – начал шурин. – Наш главарь, которого растерзал твой пес, – вернейший из его слуг, а барону не по нутру любовь его дочери и сэра Аллана Клера. Он хочет выдать Кристабель за другого... Вот как я оказался у твоих дверей, Гилберт... Знай – рыцарю грозит смертельная опасность...

– Да говори же о Робине!

– Не спеши, лесник... Четверть века назад я поступил на службу к молодому рыцарю Филиппу Фиц-Уту, барону Безанту. Этот титул даровал моему хозяину король Генрих за заслуги во время войны во Франции. У барона был старший брат, сэр Роберт, получивший в наследство от их отца, владетельного графа Хантингдона, громадное состояние и знатную фамилию... Вскоре умерла его жена, оставив ему сына – слабого здоровьем мальчика, в котором сэр Роберт души не чаял. Горе и болезни подточили силы старшего из братьев, и перед кончиной он поручил заботиться о своем сыне, единственном прямом наследнике древнего рода, брату Филиппу... Не торопи меня, Гилберт, дай перевести дух, – попросил умирающий, – я все скажу тебе, как на исповеди... И вот, несмотря на клятву, принесенную на распятии, мой хозяин все же решил отделаться от ребенка – уж слишком соблазнительны были безмерное богатство и громкий титул. Умертвить мальчишку он не решился, лишить его прав наследования в открытую также не мог. И тогда сэр Филипп понадеялся, что племянника можно подтолкнуть к гибели иным способом – медленным ядом, падением с лошади, внезапным ухудшением здоровья. Это должен был сделать я в его отсутствие, чтобы не вызвать лишних подозрений... Парнишка, однако, оказался живучим, да и многочисленная челядь не спускала с него глаз... Дай-ка воды, в глотке у меня жжет, как в аду!.. – Ритсон застонал.

Напоив шурина, Хэд вновь уселся рядом, едва сдерживая нетерпение.

– Мало того – сэр Роберт-младший день ото дня становился все крепче и жизнерадостнее и приближался к своему шестнадцатилетию... Чего только я не предпринимал! Бешеные скачки на охоте, грязные кабаки, многодневные пиры в замке... Скажу не таясь, Гилберт, я готов был задушить парня собственными руками, но ведь он так мне доверял! Понемногу и я к нему привязался. Иной раз мне приходило в голову расторгнуть договор с хозяином, наплевав на обещанное солидное вознаграждение... Но судьба уготовила нам иное. Как-то я заметил, что молодой господин стал чахнуть. Потерял обычную живость, часами безучастно бродил по замку... Я стал за ним тайком присматривать. И вот как-то

раз во время конной прогулки по лесу мы остановились на опушке дать лошадям поостыть. Сэр Роберт и говорит: «Роланд, подождите меня здесь, я прогуляюсь...» – «Как будет угодно вашей светлости», – ответил я ему и тут же, привязав лошадей, кинулся по его следам... Когда показался просвет среди ветвей, до моих ушей донесся нежный девичий голос. Мой подопечный оказался тут же – голубки ворковали в тени деревьев. «Ага! – сказал я себе. – Эта новость уж никак не порадует сэра Филиппа! Наш Роберт влюблен!» Однако сколько я ни прислушивался, таясь в кустах, тайна не открылась мне ни на пядь... День уже клонился к закату, его светлость проводил девушку до опушки, где ее поджидал слуга с двумя лошадьми, а затем быстрым шагом направился к нашей стоянке. Я опередил сэра Роберта, пожурил за долгое отсутствие, и с тем мы вернулись в замок...

– Зачем ты все это мне рассказываешь? – нахмурился лесник. – Какое отношение похождения твоего владетельного графа имеют к моему Робину?

– Самое прямое, – был ответ. – Он доверил мне свою тайну, и я обо всем написал барону Безанту. Девушку звали Лора, она носила не столь знатное имя, как сэр Роберт, но их союз ни у кого не вызвал бы возражений – кроме моего хозяина. Рыцарь повелел мне любым способом не допустить брака племянника. Я не знал, как быть, Гилберт, они казались такими счастливыми... Но тут вмешалось то ли провидение, то ли сам нечистый. По неясной мне причине сам Роберт повел себя странно: он представился девушке сыном зажиточного торговца из городка Лукэйс... Мне он объяснил сей поступок тем, что хотел быть любимым не как знатный наследник, а как самый простой человек. Старый деревенский священник их тайно обвенчал, сэр Роберт приобрел уютный домик в Лукэйсе, и потекли их счастливые дни, свидетелем которых я стал. Тем временем мой хозяин слал мне из-за моря угрозу за угрозой... И слава Всевышнему, я не внял его повелениям... Спустя год у графа родился сын, но молодой госпоже это стоило жизни...

– И этот ребенок... – начал догадываться Гилберт, – он...

– Это и был тот младенец, которого мы отдали вам на попечение пятнадцать лет назад, – произнес Ритсон и, собрав остатки сил, продолжал: – История его деда, увы, повторилась. Сэр Роберт, впад в безумие от горя, стал таять, словно воск на солнце. По его просьбе я нашел кормилицу для ребенка, а леди Лору погребли в склепе местного монастыря... Мой хозяин должен был вот-вот вернуться – отныне никто не препятствовал ему завладеть фамильными сокровищами и

графским титулом, ведь единственный прямой наследник всего этого был близок к кончине... Но каковы же были его разочарование и гнев, когда сэр Филипп узнал, что от этого брака родился ребенок!..

Барон увез племянника в родовое гнездо, а мне велел под страхом смерти держать язык на привязи. Однако вышло не так, как он желал. Перед смертью сэр Роберт заставил рыцаря присягнуть на распятии, что тот воспитает его сына, как собственного, и мальчик вступит в свои права по закону. Остальное, лесник, тебе известно...

- И где же этот барон Безант, столь подло лишивший Робина титула графа Хантингдонского?

- Утонул при кораблекрушении у берегов Франции...

- Кто же тогда владеет Хантингдонширом?

- Уильям Фиц-Ут, настоятель[9 - Настоятель - старший церковнослужитель прихода или монастыря.] аббатства Рамсей, его дальний родственник. Я поступил было к нему на службу, но аббат прогнал меня без всяких на то оснований. Позднее барон Фиц-Олвин взял меня в шайку своих головорезов.

- У Робина была мать, - задумчиво проговорил Гилберт Хэд. - Кажется, ты назвал имя девушки - Лора? Думается мне, что в интересах ее семьи, чтобы Робин был признан графом Хантингдонским?

- Сэр Гай Гэмвелл - родственник покойной леди Лоры.

- Как?! Тот самый старый сэр Гай, что живет со своими шестью сыновьями - силачами и охотниками на другом краю Шервудского леса?

- Это так, Гилберт...

- Ну что ж! - воскликнул Хэд. - Тогда мы еще повоюем с его высокопреподобием господином аббатом! Справедливость должна восторжествовать, и Робин Гуд вернет свое древнее имя, если будет на то воля Господа!

– Верь мне – я пытался искупить свою вину... – обессилено пробормотал Ритсон. Дыхание его стало прерывистым. Он долго молчал, затем прошептал: – Я забыл... рассказать тебе еще кое-что... очень важное... Этот рыцарь и молодая дама, которых ты приютил...

– Говори же, – Хэд схватил руку шурина.

– Я... я должен был их убить. Барон заплатил мне, а в помощь дал людей – тех самых, которых вы перебили. Я не знаю, зачем ему жизнь этих двоих... но предупреди сэра Аллана – пусть ни он, ни его сестра не приближаются к замку Фиц-Олвина...

Лесник вздрогнул, вспомнив о том, что сэр Аллан и Робин отправились в Ноттингем, но предупреждать их об опасности было уже поздно.

– Роланд, – сказал он, – здесь есть монах-бенедиктинец. Хочешь, я схожу за ним, и он примирит тебя с Богом?

– Нет, я проклят и умираю... Вырой мне могилу под старым буком, где дорога сворачивает на Мэнсфилд-Вудхауз. Обещаешь?

– Клянусь всеми святыми...

– Спасибо, Гилберт... Ты всегда был добр и любил мою сестру, а я...

Гилберт Хэд больше не слушал – на пороге каморки бесшумно возникла его жена Маргарет, и он задумался о том, как нелегко будет поведать ей то, что он только что услышал от шурина. Когда же он вновь обратил взор к Роланду Ритсону, тот был уже мертв.

Пока Роланд Ритсон прощался с жизнью в каморке слуги лесника, трое мужчин, отправившихся в Ноттингем, шагали по извилистым тропам бескрайнего Шервудского леса. Монах-великан поначалу веселил спутников забавными

историями, но вскоре сэра Аллана Клер пустился в рассуждения о красоте окружающей их природы, а когда и он иссяк, Робин Гуд своим сильным чистым голосом затянул старую как мир балладу.

– Сэр Аллан, – юноша неожиданно умолк и остановился, – близится полдень. Если вы не против короткого привала, здесь поблизости в лощине течет ручей. Там мы могли бы перекусить. В моей котомке полно припасов, которые приготовила для нас Мэгги.

– Мой желудок утверждает, что это отличная идея, – живо отозвался монах. – Немедленно веди нас к ручью, сын мой!

Помедлив, рыцарь все же согласился передохнуть; и вскоре путники устроились на шелковистой траве в тени раскидистого бука. Монах, хватив добрый глоток старого французского вина из фляги рыцаря, с жадностью набросился на припасы, а насытившись, тут же предложил спутникам называть его запросто – братом Туком.

– Так меня величают в монастыре из-за пристрастия к потасовкам на дубинках. Вырос я в честной крестьянской семье, и по сей день вольная трудовая жизнь мне по нраву. Наш настоятель о том знает и, по доброте своей, за руку меня не держит. Он у нас не только золотишко любит... А вы, благородный рыцарь, если не секрет, кто такой будете? – обратился монах к сэру Аллану.

– Охотно отвечу, если вы дадите мне хоть словечко вставить.

Робин все еще держал флягу в руках, и монах-великан потянулся к ней.

– Хоп! – воскликнул юноша, отдергивая сосуд. – Очередь твоя прошла, братец Тук, хлебни-ка лучше холодной водицы из ручья и дай человеку сказать.

– По происхождению я сакс, – начал рыцарь. – Отец мой был близким другом архиепископа Кентерберийского и королевского министра Томаса Беккета, и дружба эта принесла ему одни несчастья, потому что после того, как монсеньор Беккет поссорился с королем, отец мой был изгнан из Англии. Мы с сестрой Мэрион...

Робин так увлекся рассказом, что не заметил, как фляга перешла к веселому брату Туку, а затем вновь к сэру Аллану. Рыцарь же, которого крепкое вино сделало весьма непоследовательным, к разочарованию юноши, пустился в пространное описание достоинств своей прекрасной невесты Кристабель и отвратительного нрава ее отца, барона Фиц-Олвина.

– Пока моя семья была осыпана милостями двора, – наконец вздохнул он, – барон Ноттингемский, хоть родом он из норманнской знати, благосклонно относился к нашей любви и величал меня сыном. Но вскоре он заявил, что его дочь никогда не станет женой сакса... Однако, друзья мои, не в моих правилах отступать, и сегодня же вечером я добьюсь своего, чего бы мне это ни стоило. У меня есть то, что способно превратить чванливого барона в нищего... тайна... и мое молчание станет выкупом за мою Кристабель... Итак – в путь!.. Эй, брат Тук, довольно храпеть!

Менее чем через час троица вступила в город, над которым гордо высился Ноттингемский замок, подножие которого омывали воды быстрого Трента.

– Слуги меня знают, и они на нашей с Кристабель стороне, – проговорил Аллан. – Но как же вы, друзья мои, проникнете за ворота? Не шататься же вам по ту сторону замковой стены!

– Вашей милости не о чем беспокоиться, – ухмыльнулся монах, – в замке живет одна... э-э... славная девушка, духовником которой я являюсь. Всякий раз по завершении исповеди меня ждет там добрый ужин... Ну вот мы и на месте... – Еще за сотню ярдов [10 - Ярд – единица измерения расстояния, равен 3 футам (36 дюймам), или 0,9144 метра.] от замковых ворот великан громовым голосом взревел: – Герберт Линдсей, главный страж врат замка Ноттингем! Да пребудет с тобой благословение нашего покровителя святого Бенедикта! Да ниспошлет он всяческие блага тебе и твоим домочадцам! Позволь нам войти! Я прибыл с двумя добрыми людьми: один желает переговорить с твоим хозяином о весьма важных делах, а второму не помешает подкрепиться и отдохнуть. А я, если мне будет позволено, дам твоей дочери Мод те духовные наставления, в которых она, несомненно, нуждается... Узнал ли ты меня?

– Это вы, брат Тук? Как же не узнать истинное сокровище Линтонского аббатства? – донеслось из-за решетки ворот сердечное приветствие. – Добро пожаловать в Ноттингем!

Подъемный мост тут же опустился, открывая путь в замок.

– Сэр барон нынче не в духе и уже удалился в свои покои, – шепнул привратник рыцарю. – Я бы советовал вашей милости отложить свидание до утра...

– Никак в гневе? – ухмыльнулся монах.

– Барона донимает подагра, – сокрушенно покачал головой Линдсей. – Беснуется и скрежещет зубами... С тех пор как в Святой Земле[11 - Святая Земля – общее европейское наименование Иерусалима и окружающих его территорий.

Название возникло из-за размещения на этих землях основных христианских святынь.] он был ранен сарацинской саблей, совсем потерял терпение, о разуме я уж и не поминаю...

– Недуги барона Фиц-Олвина меня мало беспокоят, – упрямо гнул свое сэр Аллан, – я желал бы без промедления повидаться с ним!

– Это уж как вам угодно, – сторож пожал плечами и окликнул пробежавшего мимо слугу: – Эй, Тристан! В каком настроении его светлость?

– Хуже некуда... – испуганно ответил паренек.

– Советую все же повременить, сэр Аллан...

– Вели проводить меня, – перебил рыцарь, – я и секунды не стану ждать.

Привратник удрученно перекрестился, глядя вслед удаляющимся фигурам рыцаря и юного слуги.

Тристан шел рядом с рыцарем, дрожа как осиновый лист, – он так радовался, что ускользнул из когтей разбушевавшегося барона, а тут пришлось снова возвращаться.

– Вашу милость ожидают? – робко спросил слуга.

– Нет.

– Не позволите ли вы мне предупредить хозяина?

– И не надейся, – был сердитый ответ.

– Тогда мы погибли, – вздохнул Тристан. – Оба.

Монах тем временем вместе с Робинот Гудом углублялись в лабиринт переходов, коридоров и лестниц. Брат Тук отлично ориентировался и чувствовал себя в Ноттингемском замке, как в своем аббатстве. Наконец не без некоторого самодовольства, как человек, имеющий на то право, он постучал в дверь небольшого покая.

– Входите! – слышался мелодичный девичий голос.

Они вошли. При виде монаха-великана Мод, хорошенькая семнадцатилетняя девушка, стремительно бросилась к гостям, сияя кокетливой улыбкой.

«Вот оно что! – усмехнулся Робин. – Премиленькая девица: глазки искрятся, коралловые губки горят, а сколько лукавства – готов биться об заклад: у брата Тука самое славное духовное чадо, какое мне доводилось видеть...»

Мод расторопно накрыла стол, и они уселись за трапезу. Напустив на себя невинный вид, Робин тут же заметил, что брат-бенедиктинец не слишком-то похож на сурового духовника.

– В известной близости и приятных отношениях родственников нет ничего предосудительного, – заметил монах, отправив в рот очередной кусок.

– Ах, так вы с мисс Мод родня?

– Мой дед был старшим сыном одного из племянников троюродного брата ее двоюродной бабушки.

– Ну, тогда с родством все ясно... – рассмеялся Робин.

В самый разгар застолья дверь внезапно распахнулась, и на пороге появилась стража.

– Кто из вас явился с сэром рыцарем? – осведомился начальник караула.

– Я, – спокойно ответил Робин.

– И что из этого следует? – нахмурился брат Тук.

– Следуйте за нами в покои его светлости барона Фиц-Олвина. Таков приказ.

Красотка Мод не без сожаления проводила гостей, и вскоре они уже шли в сопровождении конвоя по мрачным сырým галереям. Миновав оружейный зал, приятели оказались перед тяжелой дубовой дверью. Один из стражников трижды постучал.

– Бездельники! – раздался из-за двери свирепый рык. – Вам бы только в кости играть! Где вы шляетесь? Подать их сюда без промедления!

Юношу и монаха втокнули в душный покой с низким, нависающим над головой сводом. Здесь пахло целебными травами и свечным чадом.

– Это вы явились вместе с господином, осмелившимся бросить мне в лицо грязные оскорбления? – Робин скорее с любопытством, чем со страхом взглянул в темную нишу, откуда доносился полный злобы скрежещущий голос.

Владелец Ноттингемского замка грузно полулежал на широкой неопрятной постели, не сводя своих глубоко посаженных, зеленоватых, как у медведя, глаз с вошедших. Барону Фиц-Олвину было около пятидесяти лет, что по тем временам считалось преклонным возрастом. Облачение его казалось неуместным в опочивальне: тяжелые пластинчатые доспехи, поверх которых барон накинул широкий плащ крестоносца. Его властное багровое лицо с длинными висячими усами выражало презрение и ярость, кустистые брови хмурились. Подозрительно взглянув на юношу, барон язвительно воскликнул:

– А-а, шервудский волчонок!.. Ну-ка подойди поближе! И ты, бродяга-монах, червь келейный, стань рядом с ним. Отвечайте без утайки: как смели вы без моего дозволения проникнуть в замок? Что за разбой вы задумали учинить? И не пытайтесь лгать, псы приبلудные, не то я вас мигом приведу к смирению!

Ладонь монаха машинально нащупала рукоять его кизилового посоха, он внушительно приосанился, но не проронил ни звука. Робин лишь презрительно пожал плечами – по его мнению, подобные слова ответа не предполагали.

– Вот, значит, как? Не устаиваете словом вашего господина? – помутившиеся от подагрической боли глаза барона зловеще вспыхнули. – Или вам невдомек, что мне известно, кому я обязан вашим визитом? Поистине сей рыцарь подыскал себе достойных сообщников – воровского ублюдка и грязного попрошайку! Подлые рабы!

– Замолчи, барон, – не выдержал Робин Гуд. – Я не твой раб, я свободный человек, и уж тем более не ублюдок. А брат монах, если и протянет к тебе руку, то вовсе не за подаванием!..

Юноша побледнел от негодования; не сводя глаз с лица барона, он передвинул колчан из-за спины на бедро, и пальцы его легко нащупали оперение стрелы.

Барон Фиц-Олвин приподнялся, чтобы кликнуть стражу, однако, передумав, снова опустился на ложе и проговорил уже сдержаннее:

– Ты слишком дерзок. Это, я думаю, от юной глупости... Ну да ладно, темница тебя пока подождет, но на мои вопросы ты обязан ответить. И запомни: я сохраняю тебе жизнь лишь по своей прирожденной доброте...

– Сэр барон, повторяю: жизнь моя не в вашей власти. Ни на один ваш вопрос ответа не будет! – вспылил Робин.

– Так ты, волчонок, еще и смеешь мне перечить? – задохнулся пораженный барон. – Видно, захотел, чтобы голова твоя красовалась на стене Ноттингемского замка в поучение прочим молокососам?

В ответ Робин Гуд наложил стрелу на тетиву, натянул ее и взял барона на прицел. Еще миг – и владельцу замка пришлось бы туго, но брат Тук, удержав руку юноши, вкрадчиво произнес:

– Надеюсь, ваша милость не собирается привести свои угрозы в исполнение?

Фиц-Олвин пронзил монаха-великана испепеляющим взглядом:

- Прикуси свой змеиный язык, проклятый монах! Не о тебе речь!

- При всем моем уважении к столь знатной особе, - усмехнулся бенедиктинец, - сдается мне, что приступ подагры помутил рассудок вашей светлости. А может вы ненароком утопили его на дне бутылки с джином?

Робин расхохотался, опустив лук. В ту же секунду в голову монаху со свистом полетел тяжеленный молитвенник в окованном медью переплете. Великан небрежно уклонился, шагнул вперед, и его дубинка опустилась на больное плечо барона.

Фиц-Олвин вскочил как ужаленный и, несмотря на адскую боль, ринулся к своему мечу, одновременно вопя во всю мочь:

- Стража, стража, ко мне!

Монах, напоследок огрев вполсилы барона пониже спины, начал отступать к двери, жестами показывая Робину следовать за ним. Но тут в покои ворвались караульные.

- Во имя Пресвятой Девы и ее несчастного Сына, распятого за вас, дурачье, приказываю отступить. Того, кто осмелится меня задержать, - отлучу от причастия без промедления! - вскричал монах, могучим ударом ноги распахивая дверь.

В те времена служители Господа еще пользовались неприкосновенностью, и стражники расступились, пропуская брата Тука. Однако не меньше дюжины их набросились на Робина, вырвали из рук юноши лук и колчан и, скрутив его, толкнули к рухнувшему в кресло барону. Отдышавшись, Фиц-Олвин глухо произнес:

- Ты сопровождал сэра Аллана Клера... Известно тебе, зачем этот господин явился сюда?

– Рыцарь просил меня служить ему проводником через лес, а причина его визита в замок мне не известна.

– Лжешь, пес! – спокойствие барона как ветром сдуло. – Давно ли ты знаком с рыцарем?

– Не более суток...

– Опять лжешь, – прорычал Фиц-Олвин.

Не в силах больше терпеть оскорбления, Робин Гуд вскричал:

– Старый болван! Это я-то лгу?! Тогда ты не услышишь от меня больше ни слова!

– Что за наглый щенок, – барон, как ни странно, успокоился. – Ты что, хочешь, чтобы тебя сбросили со стены замка в полный нечистот ров, как и твоего господина? Вы оба не доживете до рассвета и умрете без покаяния... – Внезапно Фиц-Олвин настороженно прислушался: из-за двери слышались громкие голоса. Он потянулся к мечу и проговорил: – Ответь только на последний вопрос...

Ему не дали закончить. Дверь распахнулась, и в покой ввалилось двое мужчин. Одежда их была изорвана и покрыта грязью, головы обмотаны окровавленными тряпками. Барон выпрямился, отшвырнул меч и шагнул к ним навстречу.

Едва взглянув на пришельцев, Робин тут же отвел взгляд: это были уцелевшие члены шайки, которая прошлой ночью штурмовала дом лесника. О чем барон беседовал с разбойниками, он не слышал, однако догадаться было нетрудно. Наконец владелец замка вернулся к своему креслу. Морщась от боли и потирая плечо, Фиц-Олвин приказал, указывая на юношу:

– Этого – в темницу! Ни капли воды, ни куска хлеба, пока не одумается. Глаз с волчонка не спускать, пока не поведает нам все о планах Аллана Клера и не приползет на коленях за прощением.

Робин на это лишь ухмыльнулся и воскликнул, шутовски кланяясь:

– Прощайте, ваша светлость, и надеюсь – навеки!

Но едва стражники поволокли его к двери, Робин, обернувшись, проговорил:

– Может, у вас, благородный господин, хватит ума послать кого-нибудь предупредить доброго лесника Гилберта Хэда, что его сын к сроку домой не вернется? Уж как бы я был признателен... А не то, глядишь, придется вам поволноваться о своей дочери так же сильно, как сейчас приходится тревожиться моему отцу!

– Тысяча дьяволов! Уберите отсюда этого змееныша!

Оказавшись за пределами покоев Фиц-Олвина, юноша во всю силу молодых легких затянул балладу. Его звонкий и чистый голос все еще отдавался эхом под мрачными сводами замковых галерей, когда тяжелая дверь темницы захлопнулась за ним.

7

Когда шаги стражи стихли, пленник уселся на грязную охапку соломы и задумался над тем, что же делать дальше. Угрозы барона Робина не тревожили; беспокоила мысль о Гилберте и Маргарет, которые будут ждать его к ночи. Во что бы то ни стало еще до темноты он должен вернуть себе свободу.

Робин вскочил и осмотрелся. Его тюрьма оказалась сырой и темной: свет от чадящих факелов едва проникал из галереи, где расхаживал часовой, через небольшое отверстие над железной дверью. Напротив двери, в футах[12 - Фут – мера длины в английской системе мер, равная 30,48 см.] десяти над каменным полом, находилась узкая зарешеченная бойница, судя по всему, выходящая на наружную террасу. Кроме стола и грубо сколоченной скамьи, больше ничего было.

«Как это барон забыл заковать меня в цепи? – усмехнулся Робин, вновь вспомнив о владельце замка. – Что ж, воспользуемся его оплошностью... и полюбопытствуем, что находится по ту сторону бойницы...»

Стараясь не производить шума, Робин придвинул стол к стене, на него вертикально взгромоздил скамью и, пользуясь ею как лестницей, вскарабкался к оконцу.

Какая удача! Едва ухватившись за один из прутьев решетки, пленник тотчас понял, что она не железная, а дубовая, притом изрядно подгнившая. Сломать трухлявые перекладины не составляло никакого труда. Ширина бойницы оказалась достаточной, чтобы прошла его голова, а где голова – там протиснется и все остальное.

Теперь предстояло выяснить, что происходит по ту сторону окованной железными полосами двери. Так же бесшумно вернув стол и скамью на место, он подпрыгнул, ухватился за край отверстия над дверью, подтянулся и заглянул в него. Совсем рядом взад-вперед вышагивал стражник в кожаных доспехах. Когда он проходил мимо двери, Робин мог бы дотянуться рукой до его шлема.

«Если этот малый, – подумал Робин, – будет тут разгуливать ночь напролет, мне до рассвета отсюда не выбраться. Едва ли мне удастся справиться с решеткой и выбраться наружу, не поднимая шума».

Мерные шаги за дверью стихли – видно, часовой остановился. Но Робин, опытный охотник, рассудил, что лучше доверять глазам, чем ушам, а потому снова отважился заглянуть в отверстие. И вовремя: рядом со стражником стояла девушка, в которой он тотчас опознал Мод. В одной руке она держала свечу, а в другой – корзину, покрытую холщовой салфеткой. До него донесся сердитый голосок девушки, выговаривавшей часовому, и звяканье ключей. Робин, как кошка, прыгнул на пол темницы и уселся за стол, вслушиваясь в невнятные голоса за дверью.

Наконец тяжелая дверь со скрежетом отворилась, девушка возникла на пороге и требовательно бросила часовому, чтобы тот остался по ту сторону двери. И странное дело – страж ей повиновался. Мод, чьи глазки уже привыкли к темноте, сбежала по ступеням и поставила перед Робинем корзину с провизией. Юноша вскочил, предлагая ей присесть, но Мод отказалась, встряхнув хорошенькой головкой.

– У нас мало времени, – негромко проговорила она. – Барон в ярости, божится, что расправится с вами тем же способом, что и с нечестивцами-маврами

в Святой Земле...

– Если вы составите мне компанию, прелестная Мод, – Робин, смеясь, приобнял девушку за талию, – то я и о свободе не пожалею!

– Умерьте-ка свой пыл, юный охотник, – девушка вмиг выскользнула из его крепких рук, – не за тем я сюда явилась. Меня прислал брат Тук. В корзинке еда, чтобы вы могли подкрепиться перед дорогой...

– Вы здесь, чтобы помочь мне бежать, дорогая Мод? – вскричал Робин. – Благодарю вас...

– Говорите тише, несносный!

– Скажите же скорее, что случилось с сэром Алланом Клером, нашим третьим спутником? – нетерпеливо спросил юноша, вновь вскакивая со скамьи.

– Увы! Благородного рыцаря содержат в еще более ужасной клетке, чем ваша. Я своими ушами слышала, как он заявил его светлости: «Подлый негодяй, хочешь ты того или нет, но я все равно стану мужем леди Кристабель». Это случилось в тот самый момент, когда мы вместе с молодой госпожой вошли в покои ее отца. Увидев госпожу, рыцарь бросился к ней, восклицая: «Кристабель, счастье моей жизни...» Бедняжка рухнула без чувств, и слугам пришлось ее унести. Позже, придя в себя, леди Кристабель просила меня узнать об участии сэра Аллана.

– Я-то скоро покину свою клетку – если Господь поможет. И часу не пройдет! – с апломбом заявил Робин.

– Да как же вы отсюда вырветесь? Вы что, колдун?

– Нет, зато по деревьям лазаю, как куница, а через рвы прыгаю, словно олень...

Юноша указал взглядом на бойницу и, приблизившись к девушке, шепнул:

– Путья не железные... Мне нужно знать только одно: где я смогу отыскать брата Тука?

– В моем... в моем покое, – ответила, слегка смутившись, Мод. – Он ждет... Как только моей госпоже понадобится помощь, чтобы освободить сэра Аллана, она должна послать за ним верного человека.

– Как мне туда попасть?

– Если выберетесь на террасу башни, сразу ступайте налево. Вскоре увидите небольшую дверь. Она не заперта и ведет на винтовую лестницу. Поднимайтесь по ней, пока не увидите вход в длинную галерею. Пройдете по ней с полсотни ярдов – сверните в коридор, в конце которого находится мой покой, в котором вы сегодня уже побывали. Если там никого не окажется, значит, леди Кристabelle уже призвала монаха к себе. Тогда спрячьтесь в одной из ниш за старым гобеленом и ждите, пока я не сумею вывести вас из замка.

– Тысячу благодарностей, восхитительная Мод! Никогда мне не забыть вашей доброты! – Окинув девушку ласковым взглядом, Робин внезапно прижал ее к себе, чтобы нежно поцеловать, но в ту же минуту дверь темницы с грохотом распахнулась и на пороге возникла фигура часового.

– Вот так голубки! – сердито рявкнул стражник. – Вы, мисс Мод, большая мастерица дурачить людей. Ну-ка прочь отсюда, не то ваш батюшка Линдсей мигом узнает о вашем постыдном поведении!

Девушка, вырвавшись из рук Робина и полыхая румянцем, бросилась к стражнику, от всей души вlepила ему пощечину и молча скрылась за дверью.

– Ну и ну, – буркнул тюремщик, держась за щеку и бросая на Робина свирепые взгляды, – этому юнцу платят другой монетой... – Он вышел, и ключ с лязгом трижды повернулся в скважине замка.

Не прошло и четверти часа, как к этому стражу присоединился еще один. Они неспешно вышагивали по галерее, о чем-то толкуя. Тем временем стемнело, взошла луна – ее свет проник в темницу сквозь щель бойницы.

«Пора», – решил Робин. Стараясь унять бешеный стук сердца, он бесшумно поднялся и отряхнул с одежды солому. У стены уже все было приготовлено. Воспользовавшись скамьей, он в два счета освободил проем бойницы от гнилой решетки и выбрался наружу.

Вдоль внешней стены башни тянулся узкий каменный выступ. Робин ступил на него и взглянул вниз: расстояние до террасы оказалось большим, чем он предполагал. Он уже готовился прыгнуть вниз, когда заметил темную фигуру вооруженного до зубов часового, стоявшего к нему спиной. Стражник, опершись на копье, глазел на раскинувшуюся перед ним спящую долину и сверкающие под луной излучины Трента.

«Ого-го! – усмехнулся Робин, которого, по счастью, скрывала глубокая тень. – Чуть было не угодил волку в пасть! Нужно быть осторожнее!»

Стражник по-прежнему стоял неподвижно. В эту минуту луну закрыло облако, и юноша решился. Однако прыжок вышел не слишком удачным: в глубоком ночном безмолвии его подошвы с шумом ударились о грубо отесанные каменные плиты террасы. Робин мгновенно упал и откатился к стене. Стражник обернулся и, выставив перед собой копье, стал вглядываться во мглу террасы. Когда же незадачливый воин, убедившись, что вокруг все спокойно, вновь устоялся на долину, а луна вынырнула из облаков, Робин был уже далеко.

Удача окрылила юношу, к тому же он твердо помнил путь, который описала Мод. Вскоре он добрался до приоткрытой двери, ведущей на лестницу, поднялся по ней и оказался в пустой темной галерее. Миновав ее, Робин свернул в длинный гулкий коридор, то и дело сворачивавший в разные стороны.

Спустя некоторое время Робин понял, что заблудился и не знает, где находится. В конце концов он уперся в глухой тупик и уже решил было возвращаться, чтобы возобновить поиски покоя Мод, как вдруг в двух шагах от него прозвучал негромкий мужской голос:

– Кто здесь?

Робин прижался к стене. Незнакомец тоже замер, юноша слышал его тяжелое дыхание и позвякивание меча на перевязи.

– Должно быть, померещилось... – наконец произнес любитель ночных прогулок и продолжил свой путь.

Справедливо решив, что с таким провожатым будет легче выбраться из лабиринта каменных закоулков, Робин последовал за мужчиной. Вскоре его силуэт исчез за одной из дверей. Робин последовал за незнакомцем – и оказался в замковой часовне. Оставалось только притаиться в сумраке за массивной колонной.

Свет луны падал сквозь витражный переплет окна на одно из надгробий. Перед ним на коленях молилась молодая женщина, лицо которой скрывала вуаль. Рослый мужчина в монашеском одеянии застыл посреди центрального прохода, беспокойно оглядывая часовню. Наконец монах заметил женщину и, едва сдержав крик радости, бросился к ней. Услышав шаги, она стремительно обернулась.

– Кристабель! Возлюбленная...

Дочь владетельного барона Фиц-Олвина вздрогнула, вскочила на ноги и в следующее мгновение бросилась в объятия монаха:

– Аллан, ты здесь!.. Мой рыцарь, как я тебя ждала...

8

Лесник все же поведал жене о предсмертной исповеди ее брата, умолчав лишь о самых гнусных его злодеяниях.

– Будем молить Господа простить Роланду его прегрешения, – печально вздохнула Маргарет, не пытаясь скрыть горьких слез.

Старик монах бормотал зауспокойные молитвы; время от времени к нему присоединялись Гилберт и его жена, а старому Линкольну было велено вырыть могилу в том месте, о котором упомянул Ритсон...

День тянулся бесконечно; ждали Робина и его спутников, чтобы достойно предать земле умершего. Леди Мэрион в конце концов решила отправиться навстречу брату. Волкодав Ланс спал, растянувшись у порога; девушка

окликнула пса, и они, никого не предупредив, углубились в лес.

Мэрион медленно шла по тропе, размышляя о судьбе Аллана. Мрачные предчувствия одолевали ее, и вскоре она, едва сдерживая слезы, утомленно опустила на траву под деревом недалеко от дороги. Пес улегся рядом, положив огромную голову на колени девушки, словно разделяя ее печаль. Однако верный страж не забывал о своих обязанностях: время от времени он принюхивался, а порой настороженно вздрагивал, и Мэрион, чтобы успокоить Ланса, запускала пальцы в жесткую шерсть на его загривке.

Солнце уже склонялось к горизонту, когда пес внезапно поднялся, глухо рыча. Мэрион вскочила, пытаясь убедить себя, что волкодав чует путников на тропе, а значит, возвращается ее брат. Пес между тем вел себя странно: шерсть у него на загривке встала дыбом, он обнажил свои огромные клыки и разразился громогласным лаем.

В лесу по-прежнему было тихо. Ланс умолк, и девушка успокоилась. Но едва она сделала шаг, как неподалеку хрустнула ветка – кто-то пробирался сквозь заросли. Ланс залаял еще яростнее, чем прежде.

С выпрыгивающим из груди сердцем Мэрион бросилась бежать по тропе, но вскоре споткнулась о корень, едва не упала и остановилась, задыхаясь.

– Уйми собаку! – услышала она позади себя грубый голос, а вместе с ним бешеный рык Ланса, словно прикрывавшего ее паническое отступление.

– Черт побери! – вопил незнакомец. – Да уйми же его, а не то он разорвет меня в клочья... Я не причиню тебе зла, госпожа!..

– Зачем же вы меня преследуете? – Мэрион обернулась и исподлобья взглянула на показавшегося из чащи мужчину. – Ланс, ко мне!

Пес угомонился, но к девушке не пошел, а застыл между нею и чужаком, неотступно следя за каждым его движением.

Очевидно, это был один из тех бродяг, что скитаются по лесам в поисках поживы. Он был изрядного роста, крепок, одет в поношенный кафтан и короткие

штаны из козьей шкуры. На его косматой голове сидела набекрень грязная войлочная шляпа, а в густой клочковатой бороде застряли репы. Из-за пояса незнакомца торчал нож, за его плечами девушка разглядела лук и колчан со стрелами.

Мэрион едва сдерживала страх, смешанный с отвращением:

- Не подходите ко мне! Что вам нужно?

- Ты пойдешь со мной, - мужчина покосился на пса. - Там и узнаешь...

- Куда?! Кто вы?

- Какая разница? - бродяга ухмыльнулся. - И хватит расспросов, не то и тебе, и твоему псу не поздоровится...

Под угрожающее рычание Ланса девушка закричала:

- Убирайтесь отсюда! И предупреждаю: вас ждет суровая кара за всякое насилие надо мной...

Бродяга, сжимая в руке кривой клинок, уже шагнул было к ней, но остановился.

- Что ж, так я и думал... Ты девица решительная, - промолвил он. - Но и я своих планов не меняю. Мне известно, кто ты. Вчера вы остановились в доме лесника Гилберта, с тобою был брат - сэр Аллан. А сегодня благородный рыцарь уже в подвале замка барона Фиц-Олвина, и двери темницы никогда больше не откроются для него...

- Лжете! - отчаянно выкрикнула Мэрион.

- Сэр Аллан Клер - пленник барона Ноттингемского. Но мне его и на мизинец не жаль. С какой стати он сунулся в пасть к этой гиене? С Фиц-Олвином лучше не связываться, я знавал барона в Святой Земле, где его кровожадность вошла в пословицу... Ума не приложу, но вы оба зачем-то ему понадобились. Вчера ускользнули, а сегодня... Да убери ты пса, не то я ему глотку перережу!.. А сегодня - все по-другому. Барону - брат, а мне - сестрица!

Девушка бросила на бродягу полный ужаса взгляд.

– Ну-ну, – разбойник сделал еще один осторожный шаг. – Не стоит испепелять меня взглядом. Фиц-Олвин, красавица, сделал бы тебя рабыней, а со мной ты станешь королевой Шервудского леса... Идем, отныне ты моя пленница.

Не обращая внимания на слова бродяги, Мэрион собрала все свое мужество и твердо произнесла:

– Я никуда не пойду, а вы мне немедленно все расскажете об Аллане!

– Копыто дьявола! – Разбойник нахмурился и двинулся к девушке. – Если барон не повесит рыцаря, то твоему брату одна дорога – в лес. Будет жить с нами. И довольно болтать, красотка! Клянусь преисподней, ты пойдешь со мной, хочется тебе этого или нет...

– Взять его, Ланс! – выкрикнула Мэрион.

Волкодав будто того и ждал – тело его взвилось в воздух и челюсти сомкнулись на горле разбойника. Но тот, видимо, привыкший обороняться от хищных зверей, схватил собаку за передние лапы, оторвал от себя и с силой отшвырнул прочь. Кровь ручьями хлестала из ободранной шеи бродяги. Он отступил, прислонился к дереву и замер с ножом в руке, готовый к схватке. Ланс вновь ринулся на злодея и тут же наткнулся на острие клинка. Его клыки еще рвали плечо разбойника, а тело уже бессильно обвисло и вскоре сползло к ногам бродяги.

Разбойник торжествующе завопил:

– Ну, теперь держись, красотка! Где ты?.. Ускользнула-таки! Но тебе от меня не уйти... – с этими словами он устремился в погоню за Мэрион.

Девушка мчалась, не разбирая дороги, ветки хлестали ее по лицу; она уже не надеялась, что без Ланса ей удастся отыскать дом лесника. Оставалось одно: попытаться скрыться от преследователя под покровом надвигающейся темноты.

Наконец, задохнувшись от бега, она остановилась на поляне, к которой сходилась сразу несколько троп. В лесу было тихо, и ей показалось, что жуткий

бродяга потерял ее в зарослях. Чуть успокоившись, Мэрион стала приглядываться – по какой тропе направиться, но так и не решила и торопливым шагом двинулась наугад. И тут раздался победоносный вопль:

– Теперь не скроешься! Ты у меня в руках!.. – Бродяга, издали заметив светлый наряд девушки, устремился к ней.

Он был уже совсем рядом, когда внезапно в полумраке прогремел суровый голос:

– Эй ты, жалкий хорек! Не смей прикасаться к женщине, или я прикончу тебя на месте!

Бродяга застыл на месте и медленно обернулся. В свете выглянувшей из-за облака луны тускло блеснуло острие копья, едва не упирившееся в его грудь.

– Брось стрелы и лук на землю! И нож не забудь... Да пошевеливайся, негодяй! – Человек огромного роста в одежде охотника не сводил с него мрачного взгляда.

– Она моя! – не решаясь пошевелиться, процедил сквозь зубы разбойник.

– Ты уверен? Чего же это она так быстро от тебя бежала?.. Сказано тебе, грязный висельник, брось оружие! – Копье двинулось вверх, наконечник легко проткнул ветхий кафтан и уперся в грудь разбойника.

Тот в бешенстве швырнул оружие на землю.

– А теперь беги со всех ног, не то мне придется поторопить тебя!

Шипя в бессильной злобе, бродяга скрылся между деревьями, а охотник бросился к Мэрион – девушка лежала без чувств. Он снял с пояса флягу с водой и брызнул ей несколько капель в лицо, но Мэрион оставалась неподвижной. Наконец она приоткрыла глаза и, словно пробуждаясь от дурного сна, прошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Нормандия – историческая область на северо-западе Франции, как герцогство была создана предводителем викингов (норманнов) Роллоном, неоднократно являлась предметом споров между Англией и Францией. (Здесь и далее примеч. ред.)

2

Святой Дунстан (928–988) – архиепископ Кентерберийский, настоятель знаменитого монастыря Гластонберри, духовный вождь церковной реформы, направленной на укрепление монашества. Авторитет святого Дунстана был чрезвычайно высок в народе.

3

Шериф – в средневековой Англии одна из основных локальных административных должностей, назначаемых королем. Самым известным шерифом эпохи Плантагенетов был легендарный шериф Ноттингема, враг Робина Гуда.

4

Лука – часть внутреннего каркаса седла, позволяющего седлу сохранять форму спины лошади.

5

Миля – путевая мера для измерения расстояния, введенная в Риме. Во многих странах применяется до сих пор. Величина мили различна в разных странах. В Англии обыкновенная английская, или лондонская, миля равна 1,52 км, а законная британская – 1,61 км.

6

Аббатство – католический монастырь, принадлежащий какому-либо монашескому ордену, управляемый аббатом и подчиняющийся епископу, а иногда непосредственно Папе Римскому. Крупные и богатые монастыри нередко пользовались большим влиянием в обществе, играли важную роль в экономике и политике.

7

Сворка – бечевка, на которой водят борзых собак, обычно по две.

8

Пеньковый – сделанный из грубого волокна, полученного из стеблей конопли.

9

Настоятель – старший церковнослужитель прихода или монастыря.

10

Ярд – единица измерения расстояния, равен 3 футам (36 дюймам), или 0,9144 метра.

11

Святая Земля – общее европейское наименование Иерусалима и окружающих его территорий. Название возникло из-за размещения на этих землях основных христианских святынь.

12

Фут – мера длины в английской системе мер, равная 30,48 см.

Купити: <https://telnovel.com/aleksandr-dyuma/robin-gud>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)